

Книги Сергея Куца
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ВОР И УБИЙЦА
ВОР И ТЬМА
ВОР И ПРОКЛЯТЫЕ ДУШИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ КУЦ

ВОР
И ПРОКЛЯТЫЕ ДУШИ

РОМАН

Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство А.П.Ф.А.-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К88

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1226

Художник
А. Клепаков

Куц С. В.

К88 Вор и проклятые души: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3127-4

Я умер, но возвращен к жизни. Потому что стал ключом первородной тьмы к Орнору. Проклятый пепел! Я помнил сделку и все, что произошло потом. Сражение с Низверженным и его войском. Я заплатил страшную цену, чтобы спасти Алису, и проиграл. Она снова под властью возвратившегося бога. Но я спасу ее! Ее и дочь инквизитора, а потом найду способ вернуть свою душу!

Вместе со мной Томас Велдон. Внутри него душа мертвого колдуна, и инквизитору открыта черная магия. Нет слов, чтобы описать глубину нашего падения, однако мы принимаем помощь наших новых союзников. Прокляты их души и прокляты наши.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Куц С. В., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3127-4

Глава 1 СВОЙ ИЛИ ЧУЖОЙ?

— Что с твоей рукой?

Я покосился на Томаса Велдона. Правая половина его лица укрыта капюшоном, а око безумного Неакра — черной повязкой. Монах буравил меня взором левого глаза. Будто насквозь собирается проткнуть! То в душу заглядывает, то на руку смотрит.

Проклятье! Без него тошно! Я мысленно выругался. Правая моя рука держала левую за запястье, словно баюкая. Я медленно сжимал и разжимал пальцы. Пальцы с черными и по-зверину острými когтями. Как у нежити. Моя...

— Кровь и песок!

Возглас вырвался помимо воли. Моя ли это рука! Как у человека: ладонь, пальцы, только вместо ногтей — когти, а кожа — от запястья и дальше вниз — нелюдская... Змеиная... Чешуйчатая, сухая, серо-зеленая. Проклятый пепел!

— Это цена.

Я вздрогнул. Голос дьявола... Николас Гард помнил все. Я прекрасно осознавал, что и когда произошло. Помнил сделку с Люцифером. Я стал ключом сатаны к Орнору. Именно я призвал его в наш мир, а вместе с ним и четырех всадников апокалипсиса. Предвестников конца времен!

Но пока мир не изменился, уж точно во внешнем проявлении, а Люцифер минуту назад просто сидел на пне и грел над бездымным костерком руки. Сейчас он появился пред взором. Обошел, держась от меня и Велдона в нескольких футах, и изучающее разглядывал обоих.

Инквизитор сжался под взглядом Люцифера, еще больше натянув капюшон монашеской рясы на обезображенный черной магией лик. Бьюсь об заклад, Велдон зашептал про себя молитвы против нечистой силы, а если спросить его о чем-нибудь, то запипит, как огромный взъерошенный кот.

Дьявол усмехнулся. Со стороны казалось, что церковник забавляет его, и враг рода человеческого не прочь удостоить вниманием этого грешника. Чтоб поиздеваться над простым смертным.

— Молись, святой отец, — произнес сатана, достав из-под одежд нательное Распятие, и с издевательским выражением на лице поцеловал маленький крестик. — Он непременно снизойдет в милости Своей!

Томас Велдон все-таки зашипел.

— Ты! — Монах выставил в сторону сатаны дрожащий указательный палец. — Ты!

— Я. — Люцифер развел руки и негромко рассмеялся. — Я — это я! А кто ты, монах? Еще святой отец или уже чернокнижник Неакр? А может, чернокнижником обрел себя Томас Велдон? Инквизитор из славного города Бранда?

Церковник смотрел на дьявола исподлобья, согнувшись чуть ли не пополам. Дернув рукой, словно укрывшись невидимым плащом, он вдруг отошел. Я бы проводил его изумленным взглядом — Томас Велдон столь быстро отступил! — да по-прежнему не мог отвести глаза дольше чем на пару ударов сердца от жуткой пятерни, в которую превратилась моя правая рука.

И сердце сильно стучит в груди. Оно снова бьется, хоть я сегодня умер. Умер, чтобы вернуться к жизни.

— Это плата. — Люцифер опять заговорил со мной, как будто не отвлекался вовсе на инквизитора. — Не забыл уговор? А, Николас?

Я кивнул. Молча. Потребовалось усилие, чтобы оторвать взгляд от левой руки, но правой продолжал держаться за запястье и все так же сжимал и разжимал пальцы изувеченной руки. Будто проверял, будто не верил, что эта конечность чудовища теперь моя плоть.

Тонкие губы сатаны скривились в усмешке. Люди говорят и пишут, что все они разные, а, в сущности, каждый такой же, как другие. Но иногда люди удивляют, хотя скорей дают повод для насмешки.

— Ты ж помнишь, Гард!

Я помнил слова сатаны, когда стоял на лестнице из темного гранита, уходящей в бесконечную высь. Под ней была бурлящая раскаленная лава, а вокруг — серый и пустой предел. Видел это сейчас, как если бы вернулся в прошлое, и слышал Люцифера:

— Ты получишь бессмертие, но не твоя плоть. Тебе нужны будут еда, питье и крыша над головой, ты будешь чувствовать боль и при этом будешь почти неуязвим! Тебя можно будет

убить! Но я воскрешу тебя! Снова и снова, сколько бы ты ни умирал. Только с каждой новой жизнью твой облик все меньше будет походить на человеческий.

Я закрыл глаза, и видение исчезло.

Преодо мой стоял смертный. В приличном кафтане, какие любят успешные купцы, поверх неброской темной одежды; на ногах сапоги из мягкой кожи. Чуть тронутые серебром, коротко стриженные темно-русые волосы, черные глаза, ястребиный хищный нос и тонкие губы. А в глазах — вечная насмешка над людьми.

Тот, кого я видел перед собой, вытряхнул остатки табака из курительной трубки и спрятал ее в кармане кафтана. Простое, житейское действие. Как будто обычный человек. Но это был враг рода людского, а я призвал его и отдал свою бессмертную душу.

Я, Николас Гард, его слуга и одновременно ключ к нашему миру.

— Лови!

Возглас Люцифера вывел из оцепенения. Какое-то быстрое движение, и я поймал обломанный сук. Левая змеиная рука поймала... Пальцы с черными когтями сжали толстую почерневшую и твердую, как сталь, ветвь старого дерева. Длинной в две ладони.

— Сожми крепче! — велел вкрадчивый голос сатаны. — Сильней! Раздави!

Моя серо-зеленая рука подчинилась. Она раздавила крепкий сук в труху, как изгнившую деревяшку. Чудовищная сила! Кровь и песок!

— Ну и рожа у тебя, Гард, — развеселился дьявол. — Будь проще.

Смеху сатаны вторил второй, женский. Я совсем забыл о ней! Обернувшись, увидел богато одетую даму в искусно сшитом полушубке из лисьего меха. Распахнутом, несмотря на зимнюю пору, снег и легкий мороз. Корсет бордового платья с узорами из серебряных нитей высоко подпирал соблазнительную грудь.

Женщина была красива. Длинные подвернутые ресницы и карие глаза. Красная помада на чувственных губах под стать длинным огненно-рыжим волосам. Их уложили так, чтобы полностью открывали шею, а сверху свили пару рожек, направленных в противоположные стороны. Две пряди то ли выбились из прически, то ли с умыслом были оставлены, чтоб обрамлять улыбающийся лик.

— Позволь представить тебе Ирменгрет, — произнес Люцифер.

Дама опустила взор и склонилась в придворном реверансе. На вид ей чуть за тридцать. В самом расцвете женственных чар — уже не девица, но до увядания целая вечность.

— Для своих можно просто Ирма, — добавил дьявол.

— А я? Свой или чужой? — Мой голос прозвучал хрипло.

Как же хотелось услышать, что я им чужой...

— Ты свой, Николас.

Я свой... Кровь и песок!

Ирменгрет обошла меня, искоса поглядывая. Затем остановилась рядом с сатаной, посмотрев на него с собачьей преданностью.

— Кто она?

Не слишком учтиво спрашивать о даме, как будто ее нет рядом. Даже грубо, но я знал, что спрашивать о незнакомке нужно у дьявола. Леди покосилась в мою сторону, однако недовольства в ее глазах не было.

Люцифер ответил будничным тоном:

— Ирменгрет — вампир.

Рыжеволосая красавица перевела взор на меня и обольстительно улыбнулась. Клыков у нее нет.

— Она из высших, таких ныне в Орноре... Впрочем, не время сейчас для упоминания их числа и имен. Скажу лишь, что Ирма — старейшая из вампиров.

Дама в роскошных одеяниях поморщила нос. Не понравилось, когда сатана назвал ее старейшей из племени кровососов. Я мысленно выругался. Вампир! Вот уж кого точно не хотелось лицезреть! Но... Я посмотрел на изуродованную руку и в сотый, наверное, раз вспомнил содеянное и кто я такой. Я не меньшее чудовище, чем стоящая напротив молодая женщина, либо вампириша: без разницы, кто или что на самом деле укрывается под личиной красивой дамы.

Дьявол, что замер в шаге позади особы, которую представил старинным именем Ирменгрет, кивнул, когда она вновь обернулась к нему. Потом снова посмотрела на меня. Чуть склонила голову набок, уронив две пряди на лицо, это сделало ее еще соблазнительней.

— Будем знакомы, Николас!

Вампириша подошла ко мне и протянула руку.

— Я рада вас видеть. — Она вновь улыбнулась.

А спину будто обожгло! Взгляд Томаса Велдона вонзился в меня!

— Гард! — воскликнул он. — Твое грехопадение не должно быть бóльшим!

Я оставил церковника без ответа. В сравнении с тем, что было сотворено, следующий мой поступок — сущий пустяк. Николас Гард склонился в вежливом поклоне, отведя когтистую лапу за спину, и, взявшись человеческой рукой за тонкие пальчики, поцеловал их. От нечисти в женском обличье пахло духами.

Будто не в глухом, дремучем лесу, а во дворце посреди бального зала. Вампирша ничем не отличалась от живой. Я ожидал получить холодное прикосновение. Думал, что прильну губами к давно остывшим пальчикам. Но Ирма ничем не походила на неживую. Ни за что не принял бы ее за нежить. Да и день нынче, а вампирша, облаченная в роскошные одежды, ничуть не боится дневного света. Мы в зимнем лесу, где солнца хоть и мало, но оно есть, а вампиры дневной свет не жалуют в любом случае.

Кажется, эта вампирша была исключением из правил.

— Ирма — моя верная слуга. — Рядом появился сатана. — Она призвана сюда, чтоб вывести вас из Запустения. Хотя инквизитора можешь оставить.

— Инквизитора я заберу с собой.

Для меня шутка дьявола была с привкусом горечи. Я шел в Черный замок, чтобы спасти троих, но вытащил только одного. Лишь Томаса Велдона, а моя любовь и Лилит снова во власти Низверженного.

— Неакр тоже пригодится, — добавил я.

Зато мой юмор оценили — Люцифер рассмеялся, и вампирша тоже.

Совсем как человек. Нет, не похожа она на восставшего из могилы кровососа. Я вдоволь насмотрелся на нежить за два месяца, проведенных в Сумеречье и Запустении. Нет ни черных белков без зрачков, ни неутолимого голода и вечной охоты до людской крови. Ирменгрет больше меня походила на обыкновенного смертного. Она во всем похожа на живого человека. По крайней мере нет у нее ни звериных когтей, ни хотя бы острых зубов.

— Ты хорош собой, — вампирша с бесстыдной откровенностью рассматривала меня, — ночные дети редко столь сладки.

— Он мой! — Люцифер сложил руки на груди. — Запомни это, Ирма. Ты должна лишь вывести троих из Запустения!

Я слушал, опустив голову. Ночные дети! Нечисть и нежить Орнора! Вампирша причислила к ним и меня. Неужели Томас Велдон прав и я пал столь низко, что более не могу называться человеком? Неужели я чужой для рода человеческого?

— Я людского племени! — Повернувшись спиной к сатане и его верной слуге, я направился к Велдону и замер как вкопанный.

Дьявол сказал, что из Проклятых лесов нужно вывести троих. Совсем забыл про третьего. Про того, кто покоился рядом, укрытый орденским плащом, когда я вновь увидел дневной свет после смерти.

Он по-прежнему здесь. Лежит, не шевелится, из-под черного плаща видны только перепачканные грязью темные кавалерийские сапоги со шпорами. Неужели это тот, кто был ранен в битве с Низверженным? Страшно представить, что это действительно он.

— Но кто это? — вопрос сорвался с уст сам собой.

Люцифер, который вновь оказался рядом, посмотрел на меня и церковника, задержав взгляд на инквизиторе. Монах вскинул подбородок, отчего открылась обезображенная магией правая половина лица. Томас Велдон показывал свою непокорность. Он не принял дьявола, хоть и его грехопадение не знает границ, ибо не отгородился от Люцифера непрестанной молитвой, не избавил себя от его присутствия. Церковник мог хотя бы уйти, но остался здесь, рядом с Николасом Гардом. Только проклятый светом вор может избавить его дочь от власти возвратившегося бога.

— В ваших святых книгах его зовут Войной, — сказал сатана.

И я, и Томас Велдон вздрогнули. Церковник еле слышно простонал:

— Всадник апокалипсиса! Один из предвестников. Что же... Конец времен! Он случится? Или уже начался? Возможно ли без одного из предвестников?

Велдон был не в себе. Не замечая, что заговорил вслух, монах сыпал и сыпал вопросами. Заткнулся он лишь тогда, когда заговорил дьявол:

— Предначертанное изменилось. Никто не знает, что должно теперь произойти. Ни я, ни Он! Но предвестник сгинул бы навеки, если бы не воплотился в человеческом теле.

Показалось, будто сверкнуло что-то в глазах сатаны. Я отвернулся, чтоб не смотреть в очи Отца лжи. Хватит с меня всего, что уже произошло!

— Ход мироздания нарушен, и сотворил это ты, Николас. Ты призвал их!

— Я призвал тебя!

— Конечно! За миг до того, как сила Ишмаэля и его слуги разорвали бы тебя. Ты призвал помощь, и я пришел. Но единст-

венное, чем я мог остановить слуг Низверженного, были предвестники. Нет в Орноре силы, которая способна остановить их.

— Нашлась такая! Сила Низверженного.

Дьявол не ответил. Я со злорадством помыслил, что он не всемогущ и не всезнающ. Когда-нибудь найду способ вернуть свою душу! Но сначала должен освободить Алису и Лилит!

— Где они? Где Алиса и Лилит?

— Полагаю, что направляются в арнийскую столицу. Но зачем, не спрашивай. Мне это неизвестно. — Дьявол развел руками.

Сатана еще нужен. Нужен, чтобы вырвать из лап Низверженного мою любовь и дочь инквизитора, но все это потом, а сейчас я глядел на неподвижное тело, укрытое черным плащом.

Я вспомнил сражение с Возвратившимся богом и его армией внутри Черного замка и луч серебряного света, изошедший от поднятого кулака Низверженного, что ударил в предвестника на рыжем коне. Как его охватило столбом белого сияния. Как выронил меч и завалился на шею коня всадник и как падали с его повисших рук ярко-красные, горящие огнем капли крови. Тогда, вырвавшись из столба света, конь понес предвестника к небу, где тот прежде явил себя.

— Что с ним? Он мертв? — спросил я.

Предвестник не шевелился. Не видно даже, поднимается и опускается ли его грудь под плащом, а значит, он не дышит. Но тогда мертв, и никак иначе.

— Нет.

Дьявол шагнул к лежащему. Его место заняла Ирма. Я поймал ее взгляд — она косилась на меня и улыбалась, и на сей раз я почувствовал нечто противоестественное в этой женщине. Она вампир! Вампир на расстоянии вытянутой руки, а я не нахожу в себе стремления выставить пред ней святое Распятие.

Проклята моя душа! Я опустил голову и покачал ею. В голове черные, мрачные мысли.

Сатана склонился над фигурой под плащом, поднеся свои уста к голове всадника. Дьявол произнес короткое слово почти беззвучно, только воровская магия донесла его до меня:

— Очнись.

Предвестник дернулся и затих. Несколько ударов сердца ничего не происходило, потом он зашевелился. Дьявол отступил на несколько шагов, и мы, то есть я, Велдон и вампирша, смотрели на пробуждающегося.

Послышался негромкий стон. Предвестник стянул с лица плащ и сел. Немолодой мужчина лет сорока, крепкий на вид, за-

горелый. Коротко подстриженные темные волосы и обычное такое, человеческое лицо с правильными чертами. Над губами два тонких усика; и короткая, буквально в фалангу пальца длиной, полоска бороды под нижней губой.

Предвестник был облачен в темно-коричневую распахнутую на груди куртку. Она плотно облегалась тело поверх белой рубашки с запачканным кровью воротом. Оставшуюся часть одежды скрывал орденский плащ.

Пустой взгляд осматривал припорошенный снегом лес и как будто никого не замечал.

— И всадник на рыжем коне, названный Бранью. — Томас Велдон прошептал цитату из Священного Писания.

— Мой повелитель сказал, что его зовут Браном, — подала голос Ирменгрет.

— Изыди! — Инквизитор резко обернулся. Левый глаз, что по-прежнему принадлежал ему, горел фанатичным огнем.

— Не так просто, священник, — рассмеялась вампирша и вдруг игривым движением спряталась за меня.

— Гард, — начал Велдон, его указующий перст был направлен мне в грудь. Монах заговорил обвиняющим тоном: — Ты знаешь, кто она!

— А кто вы?!

Возглас предвестника не позволил мне ответить. Он все так же сидел, наполовину укрытый черным плащом, только взгляд его обрел осмысленность. Взор стал жесток, в нем теперь крылась смертельная угроза.

Тот, кто должен был ввергать страны и народы в опустошительные войны, выудил из-под плаща шпагу. Серая сталь в руке, какой предрекалось истреблять тысячи и тысячи грешников.

Где дьявол? Пусть уймет пробужденного его волей. Однако сатаны подле нас нет.

— Он говорил, что долго не в силах быть рядом, — произнесла вампирша, — ни во плоти, ни в иной сущности.

Я выругался. Сейчас не отказался бы от общества Люцифера, потому как предвестник смотрел только на меня и тонкий клинок его шпаги, оторванный от земли, тоже направлен в меня. Святой отец и женщина-нечисть, не сговариваясь, отошли на несколько шагов.

Я же один на один с пробудившимся. Он нашел во мне противника, ведь только у меня есть оружие.

Я и Война!

Глава 2 ПРОКЛЯТЫЕ ДУШИ

Отбросив плащ, предвестник поднялся.

— Кто вы?! — прорычал он. — Где я?

Он вновь уставился на меня. На обезображенную левую руку, легшую на эфес бракемарта. Прямая сабля на боку — я не выронил, не потерял ее. Пистолей нет, все остались в Черном замке. На мне лишь четыре пустые кобуры: две по бокам и две на груди на портупее с ременной перевязью. Я снял их и выбросил в снег, чтоб не мешали.

Перед предвестником трое — женщина, старик, а меж ними я. С саблей на боку, и с меня-то он потребовал ответ.

— Говори, — бросил он. — Отвечай или пожалеешь!

Я вытащил из ножен бракемарт:

— Мой ответ.

Рвущая душу горечь поражения и утраты, тоска от осознания, во что превратился, и просто злость с усталостью взяли свое. Он хочет ответа? Ну так получит его! Николас Гард тоже не лыком шит! Я двинулся вперед, перехватив саблю поудобней.

Предвестник шагнул ко мне. Кончик его шпаги опущен, но меньше чем через мгновение взметнется и примет бой.

— Прекратите!

Меж Войной и мной появилась Ирма. Стоя боком к каждому из нас, она широко развела руки, не позволяя сойтись в схватке.

— Ты! — Взгляд вампириши метал молнии. — Не глупи! Стой, где стоишь!

Я лишь принял боевую стойку.

— А ты! — Вампириша обратила свой лик к предвестнику. — Именем Люцифера! Заклинаю тебя остановиться!

Шпага задрожала. Предвестник смотрел только на женщину, преградившую путь.

— Помню, кто я, — вдруг негромко произнес он. — Но лишь это и больше ничего! Нет!

Предвестник пристально гляделся в лицо вампириши.

— Я узнаю! — воскликнул он. — Ирменгрет!

Женщина опустила руки, повернувшись только к предвестнику, и кивнула.

— Но откуда? Точно знаю, что никогда не встречал тебя!

— Тебя зовут Бран, — сказала вампириша.

— Что?

— Бран.

Названное имя враз обратило предвестника в обычного растерянного смертного. Он будто забыл, что только что собирался сражаться. Отступил к отброшенному орденскому плащу и уселся на него, обратив взгляд в пустоту. Шпага лежала рядом.

— Бран... Бран, — повторял он. — Я Война! Брань! Помню это, но больше ничего! Но разве... Кто же я на самом деле?

— Ныне ты обычный человек, — в голосе Ирмы послышалось сочувствие, — пока не вспомнишь о себе все!

Предвестник поднял взор. Совсем не похож на грозного всадника апокалипсиса, на Войну, с которым несколько мгновений назад я собирался скрестить клинки. Сейчас это был обычный растерянный человек, не понимающий, где он и что вообще происходит.

— А вы? — спросил он. — Вы люди?

Ирменгрет громко и даже несколько картинно рассмеялась. Обвела взглядом стоянку в лесу с маленьким догорающим костерком, улыбнулась сначала мне, потом вздрогнувшему церковнику.

— Мы? — произнесла вампирша. — Конечно же, люди!

Томас Велдон дернул рукой, словно собирался замахать ей, опровергая вампиршу, да отчего-то передумал.

— Я знаю, кто ты. — Предвестник вдруг стал напоминать самого себя. Жесткого и волевого. — Не ведаю, откуда сие известно, но знаю. Расскажи!

Он встал, поднял шпагу и вонзил ее в землю пред собой. Теперь предвестник требовал:

— Расскажи! Где я? Как я оказался здесь? Кто эти двое?

— Я расскажу, — вампирша подошла к предвестнику, — а ты слушай.

Женщина в богатой одежде мнилась госпожой, которая решила оказать нищему милость. Предвестник смотрел на нее, будто голодный бродяга, которому сейчас кинут медяк.

— Идем! — Монах с глубоко натянутым капюшоном дернул меня за рукав камзола.

— Куда?

Показалось, что церковник сейчас силой потащит за собой, если останусь на месте.

— Поговорить надо!

Я пошел за Велдоном. Инквизитор отвел за деревья, отгородившись от вампирши и предвестника стеной серых стволов. Чтоб ни мы, ни они не видели и не слышали друг друга.

— Гард, — начал монах, — ты крикнул сатане, что принадлежишь роду людскому.

Инквизитор болезненно поморщился при упоминании дьявола.

— Было такое, — согласился я. Многое отдал бы, чтобы не превратиться в чудовище.

Я взглянул на левую руку. Очень многое... Но вряд ли сатану заинтересует нечто другое, нежели душа, а она и так принадлежит не мне.

— Мы люди, — горячо заговорил инквизитор. — Ты человек, я человек, а они уже нет! Ни вампирша, ни предвестник, сколь бы ни привычны слуху были их имена, Ирма да Бран. Сколь бы ни причисляли они себя к роду человеческому!

— Ирменгрет — не слишком обычное имя.

— Просто оно древнее, полузабытое. Но не важно! Вот возьми!

Монах протянул мне нателное распятие, сорванное с собственной шеи: силу для этого надо было приложить недюжинную. Велдон был необычайно взбудоражен. Дьявол исчез, и почти сразу инквизитор избавился от подавленности, что еще несколько минут назад не позволяла расправить плечи.

— Бери же! — внутри церковника возгорался огонь истовой веры.

Я смотрел на серебряное Распятие, но не спешил принять его от Велдона. Не ношу Распятие уже давно, с тех пор, как погибли ночные крысы. Слышал даже, что без Распятия на теле нет и в душе веры, но мне было все равно. Однако не этим ли предопределился дальнейший путь, в конце которого пришлось заплатить страшную цену и совершить непоправимое?

А еще, не обожжет ли освященное серебро? Как нечисть или темного колдуна из страшных историй? Ныне я приспешник сатаны, я отдал ему душу и слышал, как дьявол сказал, что я свой для него. Проклятый пепел!

Я осторожно коснулся пальцами Распятия — ничего не случилось.

— Крепко сожми! — давил на меня Велдон. Он схватил мою правую руку и вложил в нее серебряный крест, а потом прижал его моими пальцами к ладони. Крепко прижал и заговорил, не отнимая своей руки от моей:

— Повторяй, Николас! Слово в слово повторяй!

В сердце запустение, в проклятых эльфийских лесах звучала молитва. Во имя надежды на Спасение и Прощение. Я вторил Велдону, и я был искренен. Есть что сказать Богу Отцу и Богу Сыну! Я молился сердцем: ничуть не с меньшим жаром, чем инквизитор.

Боялся, что святые слова начнут жечь изнутри, что не смогу произнести ни полслова из молитвы, ведь я тот, кто я есть. Присягнувший дьяволу, отдавший ему душу. Ключ Люцифера к Орнору.

Только молитва не навредила мне. Стало ли легче на... Едва не произнес мысленно «на душе»... Во мне ли она еще либо сжата в длани сатаны? Снова и снова я вслушивался в себя. Где моя душа? Не чувствую пустоты. Ничего не чувствую! Во мне ли моя душа? Возможно, так, и тогда она в залоге, только это ничего не меняет. Не чувствую ни утраты, ни, наоборот, какого-нибудь внутреннего наполнения. Не знаю, где моя душа.

Но я точно знал другое. Николас Гард однажды умер! Я не видел ничего по ту сторону, и вдруг стало страшно. Может, нет для меня той стороны? Есть ли для меня надежда на Спасение и Прощение?

— Нет!

— Что «нет»? — спросил Велдон.

Я молчал, чтоб собраться с мыслями. Заговорил, когда вернулся Распятие:

— Святой отец, вы слышали, что спрашивал у меня сатана о послесмертии?

— Слышал, Гард, слышал. — Левая открытая миру половина лица инквизитора вытянулась. Монаху не понравился тот мой ответ.

— Там ничего нет! Я ничего не видел. Помню только, как закрылись глаза, а потом я увидел этот лес. У меня вырвалось «нет», когда возразил самому себе. На мысль, что нет ничего после смерти. Я ведь прав?

— Все так. Смерть — лишь конец жизненного пути.

— Но я не узрел дальнейшую дорогу. Не было на той стороне ничего. — Я начал злиться. На самого себя, потому что хочу верить в шанс на Спасение и Прощение, но тут же доказываю инквизитору, что после смерти лишь пустота.

— Если после смерти ничего нет, то не было бы греха и добродетели, — ответил церковник. — Не было бы ни Бога Отца, ни Бога Сына, ни дьявола.

Лицо монаха исказилось. Упоминание сатаны доставляло ему вполне ощутимые, настоящие муки.

— А ты, Гард, убедился на собственной шкуре, что Люцифер существует.

— Вы, наверное, правы, святой отец.

— Не смей! — Инквизитор напустился на меня, схватив за рукав. — Не поддавайся слабости и неверию! Нельзя сомневаться ни в едином слове, начертанном в Священном Писании! Не смей усомниться в существовании Бога Отца и Бога Сына! В их благодати! А еще в Преисподней! Нельзя! Особенно тебе, Гард!

— Но почему я ничего не увидел?

— Не понимаешь? — Монах окинул меня укоряющим взглядом. — В самом деле?

— Не понимаю. — Я был искренен в своих сомнениях.

— Да потому, глупец, — Велдон отпустил рукав моего камзола и ткнул пальцем в грудь, — что твое время еще не пришло! Божий суд над делами твоими еще не назначен!

— Либо приспешники дьявола ему неподсудны.

Церковник зашипел. Почти так же яростно, как недавно на Люцифера. Монах дернулся и повернулся ко мне спиной, чтоб убраться. Но не сделал и шага прочь.

— Уходите, Велдон? А кто, как не представитель конгрегации Вселенской инквизиции, должен помочь заблудшей душе?

Церковник обернулся. Лицо его было мрачным, серым.

— Твоей душе помогут только молитвы и раскаяние, но это не для тебя, Гард.

— Всего лишь молитвы и раскаяние?

— Не всего лишь, святотатец, но молитвы и раскаяние! Не каждому дано.

Что-то черное или даже прогнившее внутри требовало оставить последнее слово за собой и как можно сильнее уязвить монаха.

— Но вы-то не оставите меня, отец Томас? Или бросите в лапы сатане?

— Ты и так там!

Я выругался. Церковник прав, чтоб ему пусто было!

— А я рад бы уйти, да не могу, — произнес Велдон. — Я тоже грешен и пал почти на самое дно!

У монаха задергалась, задвигалась челюсть. Неистовство инквизитора, направленное на меня, теперь обернулось на самого церковника.

— Не так, как ты, Гард! Глубину твоего греха невозможно описать людским языком. Но и моя душа во тьме! Прокляты наши души!

Монах воздел к небесам обе руки. Капюшон спал с головы, открыв небу обезображенную половину лица.

— Я тоже пал! Не могу отказаться от воспоминаний Неакра, от его черной магии! — Инквизитор посмотрел на меня. — Знаешь, Гард... Скоро во мне ничего не останется от святой магии. Называй меня тогда чернокнижником!

Томас Велдон тихонечко взвыл. Спрятал лицо в ладони и низко согнулся, потом рухнул на колени и припал к снегу руками, что так и не отнял от лица. Казалось, он сошел с ума. Я пре-

бывал в растерянности, глядел на монаха и не понимал, что предпринять. Потом услышал молитву, что шептал Велдон.

— ...в Спасении Твоем! Аминь.

Монах поднялся, стряхнул с рясы снег и лесную ветошь. Лицо Велдона успокоилось, он вновь натянул капюшон, спрятав ужасный старческий лик Неакра.

— Ты слуга дьявола, — сказал он.

Меня удивила будничность тона инквизитора.

— Добровольный приспешник сатаны, — продолжал Велдон.

Я бы напомнил святоше, почему я принял Люцифера. Ради спасения Алисы, но не только. Хотел вытащить и его вместе с дочерью. Проклятый пепел! Освободил лишь Томаса Велдона, который сейчас поучает.

— Ты сделал осознанный выбор!

— Да, святой отец! Да! — не выдержал я. — Что дальше?

— А то! — выкрикнул инквизитор, но лик его не переменялся, не искажился в ярости. Неистовым огнем горели только глаза. — Я тоже добровольно и осознанно делаю выбор. В пользу черной магии Неакра! И в пользу тебя, Гард! Потому что только рядом с тобой исчезает власть Низверженного над моей дочерью. Сатана покрывает тебя своим плащом, а заодно и меня, коль я рядом. Но без тебя да запретной магии Лилит не спасти!

Повернувшись спиной, инквизитор вдруг отошел на несколько шагов. Оперся высоко вытянутой рукой о дерево и обреченно поник головой.

— Мы грешники, Гард, — произнес он, — каких не видывал белый свет.

— Я пожертвую всем и заплачу любую цену, чтоб спасти Алису!

Больно думать о моей любви. Она снова в тенетах Возвратившегося бога.

— Знаю, Гард. Я это знаю.

— Я это уже сделал, — добавил я.

Не только преклонился перед сатаной и стал его ключом к нашему миру, но пожертвовал самим мирозданием, когда призвал помощь дьявола. Он помог, явив всадников апокалипсиса — начались Последние дни.

— Все знаю, Гард, а также то, что я с тобой, — монах горестно вздохнул, — и, значит, с твоим господином.

Мы замолчали. Что еще сказать?

— Прокляты наши души!

Велдон обернулся, чтоб пристально посмотреть мне в глаза. Что хочет там найти? Я не отвел взор, хоть выдержать взгляд инквизитора по-прежнему тяжело.

— Прокляты! Но буду ежедневно и еженощно молиться за наши души! — пообещал монах. — Верь мне! Я буду просить о Спасении и Прощении не только за нас, Лилит и Алису! Я не брошу молитв ни за Ирменгрет, ни за Брана!

— Молиться за вампирушу и предвестника? — поразился я. — Но они же не люди!

— Были когда-то. Была у них душа, и я хочу спасти и их.

— Что ж, — пробормотал я, удивленный неожиданной добродетелью инквизитора, — воля ваша. Но вряд ли им нужно Спасение.

— Всем нужно! Не богохульствуй!

— Не буду. — Я пожал плечами. Без разницы, четверо нас с проклятыми душами или двое.

— Пора возвращаться, — произнес Велдон. — Я сказал и услышал все, что хотел.

Мы двинулись обратно по следам на снегу.

— Надеюсь, — проронил я, когда почти добрались до фигуры в черном орденском плаще, что грелась у костра, — вампириша вправила предвестнику мозги. Чтоб на людей больше не кидался.

— А где она?

Велдон завертел головой. Ирменгрет исчезла.

— Идите к огню! — Предвестник поднялся при нашем появлении. — Здесь теплее.

Плащ всадника апокалипсиса, обратившегося в обычного человека, распахнулся. Куртку предвестник застегнул на все пуговицы, и рубахи с испачканным в крови воротом почти не видно. Штаны такого же темно-коричневого цвета, как куртка, и черные кожаные сапоги, уже без шпор. На черном поясе в потертых серых ножнах шпага.

— Подходите ближе! Не бойтесь!

Монах присел у огня на ствол поваленного дерева, протянул к костру озябшие руки. Он чуть ли не шипел на дьявола, да и на вампирушу тоже, однако близость предвестника Конца времен внешне нисколько не будоражила его.

Я же остановился в пяти шагах от огня, Велдона и Брана. Ведь так его представили нам?

— Где она? — спросил церковник.

Предвестник махнул рукой в сторону леса.

— Была — и нет. Не могу сказать, куда запропастилась, но давайте поговорим о другом.

Война протянул мне раскрытую ладонь и попытался улыбнуться. Получилось не очень, он скорей оскалился.

— Должен извиниться, что меж нами едва не завязалась драка. Был не в себе. Я знаю и помню, кто я. Помню, что прожил сотни жизней в тысячах миров, которые потом ввергал в войны... Каждый раз то была жизнь воина. Я воевал за правое и не-правое...

Предвестник ненадолго замолк.

— Но это почти все, что сохранилось в памяти. В голове ни одной подробности, а сейчас я снова смертен и начинаю жизнь с чистого листа. Почти, все ж не младенец. Поэтому нет и не может быть к вам неприязни. Предлагаю пожать друг другу руки.

Я и Велдон переглянулись. Монах мрачнел с каждым ударом сердца — он снова принимает слугу дьявола. Снова отворачивается от Бога Отца и Бога Сына. Только что поделать? Все ради дочери! Проклята его душа!

Мы обменялись рукопожатиями, произнесли свои имена. Предвестник просил называть себя только Браном и забыть о его предназначении.

— Отчего же? — Церковник попытался показать, что ответ на сей вопрос взволновал его мало. По мне, вышло у него плохо.

— Ирма поведала. Покамест все не вспомню, к трем моим братьям не вернусь, и мы не сможем исполнить предназначение.

— Но Конец времен начался? — Велдон обжег меня огненным взглядом. — Или нет?

— Да, ваш мир обречен. Но он всегда был обречен. Апокалипсис...

Предвестник оглянулся.

— Ничто не говорит о конце света, но он начался. Начался и остановился. До тех пор, пока я снова не превращусь в Войну. Пока не верну память.

— Что, если ты умрешь? — допытывался Велдон.

— Хочешь сказать, если меня убьют? — Предвестник громко рассмеялся. — Возможно, сразу вспомню все и вернусь к братьям, и вы узрите Конец времен. Но, может, наоборот, ничего не случится! Буду рожден в вашем мире младенцем, и так же память по крохам будет возвращаться ко мне. А ты, старик, не узнаешь, кто и где я. Сейчас хоть можешь спросить, все ли я вспомнил!

Предвестник вновь громко расхохотался. Я кисло улыбнулся. Занятно видеть, как клянет себя монах. Поддался слабости, помыслил о смертоубийстве. Во имя общего блага! Да все зря, только дураком себя выставил.

— Вставайте! Немедля!

Никто не заметил, как вампирша появилась в трех шагах от костра.

— Слуги Низверженного близко. Их много! Люди и... — Ирма поморщилась. — Иные тоже здесь!

Глава 3 ВРЕМЕНИ МАЛО

— Иные? — Предвестник не понимал, о чем речь.

— Они самые, — ответила вампирша, — трое, еще с десятка великанов и две дюжины стражников из замка.

— Каждый иной пользуется магиею, — с тревогой в голосе произнес Томас Велдон. Взгляд его левого ока был направлен в себя. Инквизитор обратился к воспоминаниям чернокнижника Неакра. — Трое иных в отряде означает трех колдунов.

— Один из твоих братьев тоже есть, — Ирма обратилась к монаху, — он в рясе. Возглавляет отряд орденских солдат.

Томас Велдон мгновенно вспыхнул:

— Отступники мне не братья!

— А Неакру? — Вампирша знала о нас многое и уколола в самое больное место.

— Изыди! Дьявола отродье! — Монах, что грелся у костерка, больше не мог сидеть. Он вскочил с поваленного дерева. Его рука нырнула к вороту за Распятием!

— Хватит! — мне пришлось вмешаться. Для схватки церковника и вампирши здесь не время и не место.

— Как скажешь, красавчик, — вампирша улыбнулась, она была спокойна, — побережем силы на иных.

— Да что за иные? — вновь спросил предвестник

Короткая перепалка не коснулась его, но едва Бран подал голос, Велдон удостоил предвестника обжигающим взглядом. В нем пылали костры инквизиции прошлых веков. Знакомый отблеск во взгляде церковника — хоть кто-то остается прежним.

— Про иных потом! — отмахнулась вампирша.

Подумалось, что отмашка разозлит предвестника, но тот лишь пожал плечами, ему все равно; а Ирма оглядывалась на лес и будто прислушивалась. Я тоже попытался вслушаться. После сделки с дьяволом магические таланты не чета прежним, только ничего не услышал. Лес был тихим, по-зимнему сонным.

Кровь и песок! Кажется, Велдон собрался читать молитву. Как бы не экзорцизм на изгнание демонов!

— Святой отец! — воскликнул я. — Прошу вас!

Церковник зыркнул на меня, потом перевел ставший недобрым взгляд на упершую руки в бока женщину и отвернулся.

— Велдон!.. — подскочив к инквизитору, зашипел я ему на ухо. — Уймись, чтоб тебя черти съели!

Церковник вздрогнул. Он стоял ко мне спиной и будто безвольно опустил руки. Кончики его пальцев дрожали. Отступив на два шага от фигуры в орденской куртке поверх монашеской рясы, я со злостью продолжил:

— Если ты против кого-то из нас, то, значит, против всех. Мне нужны союзники, чтоб выбраться из этих проклятых лесов и спасти Алису! А тебе, отец Томас, нужны? Или ты в одиночку вздумал вытащить дочь?

Монах молчал, не шевелился, и мнилось даже, что дышать перестал.

— Ну же! С нами или против нас?

Велдон резко обернулся. Левую половину лица инквизитора исказила гримаса ненависти.

— Я с вами, Гард! — выпалил он. — С тобой и твоими союзниками! Но это будет дорого стоить!

— Отлично. — В груди вдруг образовалась пустота. Ярость инквизитора ничуть не задела меня. — Только я уже заплатил непомерную цену.

Я оставил церковника у огня. Предвестник и вампирша с явным любопытством смотрели за нашей с отцом Томасом перепалкой. Нашли представление! Бран еще и ухмыляется! Проклятый пепел! Нервы сдали. Я напустился на вампиршу:

— Вы уверены, леди Ирменгрет? Они за нами идут?

Вампирша смерила меня взглядом с головы до ног.

— Если будешь называть меня леди или на «вы», — сказала она, и что-то сверкнуло в ее глазах, — укушу.

— А-ха-ха! — Бран разразился громким совершенно идиотским смехом.

Шутка ему понравилась, а вот я и Велдон, переглянувшись, не нашли ее смешной. Да и шутка ли? Не уверен, что я все еще человек — против воли взгляд опустился на левую руку с чешуйчатой серо-зеленой когтистой лапой, — но точно не собираюсь обращаться еще и в упыря.

— Тише! — Вампирша напустилась на предвестника. — Они еще далеко, но направляются прямо сюда.

Бран провел пальцем по губам, показывая, что будто зашил себе рот, и помахал пред собой руками. Происходящее веселило его.

— Ирма, ты уверена? — переспросил я. Раз дама желает попростому, то будет так. Глаза видели красивую ухоженную жен-

щину, а разум твердил, что пред нами воистину страшный монстр.

— Уверена, — ответила вампирша. — Ищут тебя и церковника.

Сумрачный инквизитор по-прежнему грел руки у костра и теперь словно избегал смотреть на вампиршу. Кровосос во плоти рядом. Враг рода человеческого назвал ее высшей. Сколько жизней она испила? Сколько загубила душ? А он, инквизитор, не делает ничего, чтобы ее изничтожить! Он проклят так же, как и вор рядом с ним!

— Николас Гард умер для Низверженного, — произнес я. — Сомневаюсь, что они идут за мной.

— Им нужно твоё тело. — Вампирша смотрела на меня исподлобья и чуть заметно оскалилась. — Я подслушала. Про старика тоже вспомнили.

Второй раз за этот день Велдона назвали стариком — сначала предвестник, потом вампирша. Церковник впрямь постарел: осунулся, посерел лицом, все чаще бывал сгорблен. Не говоря уже про правую половину лица с оком Неакра. Капюшон прятал испещренную глубокими морщинами и бороздами кожу и белую, как снег, правую бровь, пересеченную повязкой. А под черной полоской ткани — выпученный, налитый кровью и злобой глаз умершего колдуна-безумца.

— Они далеко? — спросил Бран.

— Здесь появятся часа через два с половиной, — ответила вампирша. — Если будут идти как шли.

— Как узнали, что мы здесь? — Я в сотый раз после пробуждения разглядывал свою левую руку, покрытую ниже запястья змеиной чешуей.

Я был раздражен. Злился на судьбу. Мы смогли одолеть Низверженного, но победа обернулась поражением. Я был убит, Алиса и Лилит вновь обратились в тень, покорных воле Возвратившегося бога.

— Где Крик? — прорычал я. Это он убил меня! Его стрела пронзила насквозь, когда до эльфийских лесов, где ждало спасение, осталось всего две дюжины шагов.

— Тебе на какой вопрос ответить? — передо мной появилась Ирма. Вампирша вскинула подбородок, отчего взгляд враз стал высокомерным. — Про орденский отряд или эльфа с гномом?

Я выругался про себя. К черту Крика и Барамуда, да и всех тех, кто скрывается под личинами смертных. Сначала орденцы!

Подняв булыжник в половину кулака, что случайно попался на глаза, я перекинул его в левую руку и раздавил. Кровь и пексок! В крошку!

— Так что? — рыкнул я, стряхивая с рук каменную пыль. — Уходим?

— А ты силен! — присвистнул предвестник.

— Уж лучше был бы слаб, — ответил я.

С тоской подумалось о себе прежнем, до сделки с Люцифером. Хотелось отыграться на ком-нибудь. Как удачно, что к нам скоро пожалует орденский отряд с иными. С беззвучным проклятием на устах я снова посмотрел на лапу монстра вместо левой кисти. Магия Возвратившегося бога против меня бессильна. Я сражался в Черном замке против Низверженного и целого войска его приспешников. Чего бояться отряда из нескольких десятков человек и иных?

— Или остаемся? — произнес я. — Дадим бой!

— Можно и остаться, — хмыкнул предвестник. Склонив голову набок, Бран громко хрустнул шейными позвонками.

Война и я, а еще вампир из высших и черная магия Неакра.

— Пускай уносят ноги!

Ирма подошла ко мне, коснувшись пальчиками плеча. Длинные ногти с красным лаком по моде Семиградья. Похоже, она оттуда, но я никогда не встречал эту рыжеволосую красавицу, даже не слышал про такую. Она обворожительно улыбнулась, и теперь ее улыбка открыла клыки. Мне бы отшатнуться и осенить себя знамением, как чаду Матери Церкви, только Николас Гард больше не ее сын. Я не дернулся и не отвернулся, и, кажется, моя реакция понравилась Ирме. Она нарочно показала клыки!

Вампирша снова улыбнулась и произнесла то, что я не ожидал:

— Ты смел, но глуп.

— Истинно глупец! — неожиданно встрял Томас Велдон. — Я согласен с этой... женщиной! Сюда идет всего лишь разведка. Но если они проведуют, что ты и я здесь, не прибудет ли сюда сам Низверженный с легионом своих присных? А ты, Гард, чего удумал? Драться? Ты хоть подумал о последствиях?

— Нет, святой отец... — сквозь зубы процедил я. Поучения церковника совсем не нужны, — я только хотел пустить им кровь.

— Нужно убираться отсюда! — воскликнул Велдон.

— Он прав, — сказала Ирма, — и я согласна с церковником. Уходим немедленно!

— Как они узнали, что мы здесь? — Я не мог так легко уступить совместному напору монаха и вампирши. Мы уйдем чуть погодя.

Ирменгрет пожала плечами, сказав:

— Низверженный — это бог, а пути...

— Пути бога неисповедимы. — Я бесцеремонно перебил даму, но задел вовсе не ее.

— Укоротить бы твой хулительный язык! — напустился на меня инквизитор. — Да поздно уже.

— Вы правы, Велдон, поздно. Лучше поведайте, как Низверженный прознал про нас.

— Низверженный и не знает, — произнесла вампирша, — иначе здесь появились бы половина его войска или он сам. Тебе в третий раз это повторить?

Я со злостью посмотрел на вампиршу и инквизитора. Стоят рядом и не шипят друг на друга, да будто спелись.

— Наш господин, — сказала Ирма, и инквизитора тут же передернуло, его лик исказился от ненависти. Впрочем, вампиршу оскорбленная вера монаха нисколько не заботила, она продолжила без какой-либо заминки: — Был здесь. Возвратившийся бог или его маги могли что-то почувствовать, а где сила сатаны, там можешь быть и ты, Николас.

В самом деле глупец. Не понимаю очевидное, только злость внутри не утихала. Я злился и на себя, и на мир, и на тех, кто с умным видом стоял напротив. Лишь Бран вернулся к костерку, ему на все наплевать.

— Тогда идем! — раздраженно произнес я. — Но куда?

— Сейчас мы в одном дневном переходе на юг от Черного города, а направимся на восток. Чтоб выйти к Тарте.

— Зачем? — спросил я.

Томас Велдон тоже хотел знать. Похоже, мы оба полагали, что будем пробираться назад — к арнийским владениям в Загорье.

— По Тарте много кто плавает, — ответила вампирша, — уплывем и мы.

Вспомнился вид на реку с обрыва, которым кончалась центральная площадь Черного города. Огромный военный лагерь иных на противоположном берегу и широченное русло с десятками больших и малых кораблей. Самые крупные — для морского путешествия. Вряд ли сможем незамеченными пробраться на подобный большой корабль и, скорей всего, просто захватим какую-нибудь небольшую лодку. Но выходить на такой в открытое море да еще в начале зимы посмеет лишь самоубийца.

Я озвучил сомнения, добавив, что лучше идти на своих двоих да на запад. Вернее будет. Рано или поздно, но доберемся до Арнийского Сумеречья, а уж огсбургцы, которые его захватили,

всяко лучше, чем соленая вода, какую наглотаемся, коль пойдем ко дну.

— На лодке, — рассмеялась Ирма. — С чего ты взял, что пойдем по Тарте, а потом по морю на лодке?

— А как? Плот свяжем?

— Если хочешь, вяжи, — вампирша все еще смеялась, — а мы отправимся дальше на корабле. Самое меньшее, что у нас будет, — это шебека. Она тебя устроит?

— Устроит. — Я вновь подумал, что Ирменгрет — с Семиградья, там все разбираются в типах кораблей, даже состоятельные дамы.

— Нас ждут? — спросил Велдон. Он отошел от вампирши на несколько шагов, держась от дьявольского отродья подальше, но так, чтобы все слышать и при необходимости вступить в разговор.

— Нет, старик. Но я здесь, чтобы вывести вас из Запустения. — Вампирша провела ладонями по юбке. — Плестись по снегу долгие недели, чтоб добраться до обжитых краев? Увольте!

— Если нет корабля, который нас дожидается, — возразил инквизитор, — то как мы найдем нужный? Как сговоримся с капитаном и матросами? Кругом лишь приспешники Низверженного!

— Это моя забота, монах, — ответила Ирма, — именно для этого я здесь.

Вампирша нарочито томно взглянула на церковника. При столь откровенном взгляде такой красивой женщины, как Ирма, у каждого взиграет кровь, но мы знали, кто она. Я и Томас Велдон мрачно переглянулись, а рыжеволосая красавица громко рассмеялась. Наша реакция показалась ей забавной.

— Не играй со мной, — отрезал инквизитор, — тварь адова.

— А я и не буду. — Ирма ответила белозубой улыбкой без клыков и словно не услышала чуть ли не проклятие в свой адрес. — Лучше с вон тем красавчиком поиграю.

Вампирша смотрела на меня, и что-то сверкнуло в ее глазах. Нечто, что я не смог угадать. Признаюсь, не по себе, когда в нескольких шагах стоит и смотрит на тебя существо, коему сотни, а то и тысячи лет и которое питается жизнями таких, как ты. В сей миг я не думал об Ирме как о роскошной красавице с занятными то ли рожками, то ли ушками в рыжих волосах.

Впрочем... Если забыть о ее сущности... Бедные ее жертвы. Я представил, как очередной бедолага, коему она вскружила голову, входит в темный кривой переулок, каких множество в Семи городах. Тянется к обольстительной красотке, а получает

укус в шею. Потом или смерть, или неуспокоенная душа в обли-
чье восставшего из могилы тупого бездумного кровососа. Ни-
чуть не похожего на Ирменгрет — высшего вампира... Но я не
для нее! И сатана о том же молвил.

Кровь и песок! Я вспомнил Люцифера с благодарностью...
Проклят я навеки!

— Игры оставим на потом, — негромко произнес я. Ничего
лучше на ум не пришло.

— Как скажешь, красавчик!

Ирма вновь улыбалась. Теперь бесстыже, как последняя рас-
путница, и очень призывно. Представилось, как прижал ее к се-
бе... Что за черт! Что за магия тянет к ней? Только лишь плот-
ское возбуждение? Проклятый пепел! Пришлось сделать над со-
бой усилие, дабы думать о вампирше как о чудовище.

— Долго разговариваем, — произнес я, — а приспешники
Низверженного все ближе. Если решили уходить, то нечего мед-
лить.

Хотелось добавить, что неплохо бы замести следы, но не ус-
пел.

— Тише! — Предвестник вскочил с места. Правая его рука с
поднятым указательным пальцем поднялась к уху, а левую плав-
но отвел от бедра. — Мы не одни!

Мир вдруг завертелся предо мной. Ирменгрет оскалила
длинные клыки, на миг изогнувшись, как кошка, потом выпря-
милась и выбросила в стороны руки с длинными когтями вместо
ногтей. За ее спиной расправились серые крылья нетопыря.
Взмахнула ими и вознеслась спиной вперед к серому зимнему
небу.

— Гард! — закричала она, зависнув в дюжине футов над исто-
птанном снегом. — Сзади!

Бракемарт выскочил из ножен и рубанул по воздуху, очерчи-
вая вокруг меня круг. Лезвие прямой сабли вонзилось в бок
женщины, появившейся за спиной из ниоткуда. Тонкая фигура
в плотно сидящем черном одеянии, волосы спрятаны под капю-
шоном, а на лице маска. Руки вскинуты, чтоб нанести смертель-
ный удар парными кинжалами.

Но я развернулся с неподвластной для человека быстротой,
невозможной для любого из смертных и меня до той самой сдел-
ки. Бракемарт вонзился в открывшийся бок, разрубив ребра.
Убийца в черном выронила оружие и, согнувшись, упала на ко-
лени. Схватила за рану и через миг умерла.

Тень! Конечно же, тень! Я увидел кольцо на испачканной в
крови неподвижной руке. Такое же, как было у Алисы. Оно пре-

вращает в невидимок, и тени минуют огромные расстояния, становятся неуязвимы, только при этом пребывают в призрачном подобии. Ощущают себя живыми, могут коснуться своей одежды или оружия, но не в силах ни за что ухватиться.

Бег времени враз оборвался. Я глядел на мертвую и не чувствовал ничего. Это не Алиса, я сразил не ее, но может... Инквизитор рухнул на колени перед мертвой. Сорвал дрожащими руками капюшон, явив черные, как смоль, волосы. У Алисы и Лилит они цвета золота.

— Не она... — прохрипел он, поднимаясь. — Это не моя дочь. Маску можно не снимать.

— И то верно, — я сплюнул на снег. Мало удовольствия смотреть на сожженное лицо, какое у любой тени после смерти. Черная магия не позволяет узнать, кто носил маску убийцы.

К нам подошел мрачный как туча Бран.

— Не ведаю, кто это, — сказал он, — но она была одна. Только кончайте с разговорами, нас уже нашли. Пора уходить, а то и удирать, если не хотим боя.

— Дело говоришь. — Ирма вновь была прежняя. Статная дама в дорогом одеянии: без крыльев, когтей и клыков.

— Я бы попросил вас возблагодарить небеса, — успокоившись, что обнаружил в тени вовсе не Лилит, церковник вспомнил о ершистости, — да все одно не внемлите.

— За что? — Предвестник вскинул бровь и насмешливо посмотрел на монаха.

Томас Велдон отвернулся от Брана и осенил себя знамением.

— Тень одна, — сказал он, — а значит, не ушла с вестью, что мы здесь.

Я выругался. Более мешкать нельзя.

— Убираемся отсюда!

— После упокоения ее души! — Церковник был непреклонен.

— Святой отец! — Я зарычал лютым зверем и вскинул перед собой змеиную лапу с растопыренными пальцами. Медленно сжал их в кулак, будто стискивая упрямство Велдона.

Однако ни один мускул не дрогнул на его левой половине лица.

— Нет!

Проклятый пепел! Я сдался. Чертов святоша! Но пусть уж тогда нам зачтется это жертвовање драгоценным временем. Пришпешники Низверженного совсем недалеко! Времени мало.

Глава 4 ЖУТКОЕ МЕСТО

— Они ближе, — ответила на мой немой вопрос Ирма.

Кровь и песок! Не можем оторваться от погони. Приспешники Низверженного все ближе с каждым часом. Идут по следам, будто натасканные псы, но, похоже, не знают, за кем охотятся. Иначе в погоню бросили бы половину войска Возвратившегося бога, потому что это я разворотил Черный замок, уничтожив перстень Бога Сына.

Проклятый пепел! Мертвую тень они точно должны были обнаружить. Такое спустить с рук нельзя. Кто бы мы ни были, теперь от нас не отстанут. Им нужно выяснить, кто смог одолеть тень.

Не думаю, что рассчитывают догнать меня или инквизитора — нас-то двое, а следы оставляют четыре пары ног. Да, преследуют не Николаса Гарда или Томаса Велдона, ведь силы приспешников Низверженного очень незначительны. Уверен, мы легко справимся с ними, но тогда обо мне прознает Ишмаэль. Новой схватки с ним сейчас не выдержу. Сломаюсь, буду уничтожен, коль он явится ко мне.

Я с тревогой посмотрел на Томаса Велдона. Инквизитор заметил мой взгляд и процедил сквозь зубы:

— Еще держись.

Давай, святой отец! Держись! Я кивнул и попытался ободряюще улыбнуться, да вот наверняка получился какой-то оскал. Томас Велдон — наше слабое звено, именно из-за него не выходит уйти от погони. После сделки с дьяволом я нечеловечески силен и вынослив, не говоря уже о реакции, да и магия нынче куда могущественней. С наступлением темноты мог бы раствориться в лесу, переносясь от одной тени к другой, пока хватит дыхания. Слуги Низверженного просто потеряли бы мой след после первого перемещения.

Бран вовсе как железный, шагает без признаков усталости, и видно, что легко ускорится, если будет нужно, а то и победит. Есть ли предел его сил? Я мысленно покачал головой. Возможности его неограничены, но до их исчерпания еще очень далеко.

Про вампиришу и говорить нечего. Ни живая ни мертвая, она легко исчезнет или просто улетит. Ирменгрет здесь только ради меня. Я выругался... Наивный дурачок! Ирма тут только по воле призвавшего ее, а вовсе не ради Николаса Гарда.

Смеркается, и воздух становится холоднее, под ногами хрустит неглубокий снег. Он повсюду, следы четырех беглецов пре-

красно читаются. Не буду тешить себя глупой надеждой, что с приходом ночи сыскать их на белом покрове станет тяжелее.

На привал становились только раз, ближе к полудню. У Ирмы при себе обнаружилась небольшая сумка с сушеным мясом. Бран взялся за него сразу, я тоже недолго раздумывал, зато инквизитор не одну минуту с подозрением осматривал темно-багровые полоски, даже обнюхал одну, чем изрядно развеселил вампиршу.

— Нет, монах, — сказала она тогда и с откровенной насмешкой посмотрела на инквизитора, — это не из младенцев и даже вообще не человечина. Вкушай спокойно.

— Помолюсь сначала, — огрызнулся Велдон, получив в ответ порцию смеха вперемешку с насмешками. Впрочем, безобидными: они не помешали инквизитору молиться.

К середине дня Ирменгрет еще не выяснила, что преследователи догоняют нас, но спустя всего три часа это стало очевидным. Милость вампириши к инквизитору, который заметно устал и замедлял наш ход, сменилась на гнев. Ничуть не стесняясь Велдона, ступавшего всего в трех футах, Ирма сказала, что церковника нужно прикончить.

— Я унесу тело далеко вперед. Слуги Низверженного не найдут его.

Вампирша сузила глаза и посмотрела на монаха. Она не против убить церковника самолично.

— Нет! — отрезал я.

Томас Велдон тяжелым взглядом смотрел на женщину, чей облик столь обманчив, и казалось, что еще миг — и выудит из складок рясы нож, окропленный святой водой, дабы вонзить его в шею нечисти. Усталость, что отягощала каждый шаг инквизитора, растворилась во вспышке ненависти.

— Нет! — повторил я и поспешил встать между церковником и Ирмой.

Почти осязаемое напряжение повисло над небольшой прогалиной. Вампирша косилась то на меня, то на Велдона и перебирала пальцами с длинными ногтями, подняв правую ладонь к груди. Монах не шевелился, будто даже не дышал, и не сводил взор с Ирмы. Бран подобрался. Предвестник тоже заметил, что церковник на волоске от того, чтоб вцепиться в вампиршу. Чью сторону он возьмет в драке?

— Хватит! — Я почти крикнул. — Отойдите друг от друга! Ну же!

Я метал взор то на Ирму, то на Велдона. Нервы — как натянутая струна! У всех! Даже у вампириши.

— Ладно. — Она сдалась и отошла на полдюжины шагов.

Могу ошибаться, но Ирма, кажется, вздохнула с облегчением. Инквизитор просто опустил голову и руки. Бран кивнул мне: хорошо, мол, что все закончилось. Однако эта стычка до конца не исчерпана. У меня есть что спросить у Ирмы!

Я подошел к вампирше, которая задумчиво оглядывала верхушки деревьев, пытаюсь разглядеть в них нечто видимое только ей.

— Где они? — начал не с того, что собирался выяснить.

— Через пару часов будут здесь, — не оборачиваясь, ответила Ирма. Каким-то образом она чувствовала, насколько далеки преследователи. — Самое большее, через три.

Мой решительный настрой вдруг пропал. Я вздохнул, оттягивая жалкие мгновения, лишь бы не спрашивать то, что собирался вызнать какие-то секунды назад. Что за наваждение? Говорить-то придется.

— Ты сказала, что можешь унести Велдона.

Какие замечательные то ли рожки, то ли ушки на прекрасных рыжих волосах Ирмы...

— Могу.

— Тогда перенеси нас всех. По очереди, если это трудно.

— Нет!

Я с усилием воли отвел взгляд в сторону. В голове тут же прояснилось. Кровь и песок! В самом деле наваждение... Стиснув зубы, вновь посмотрел на вампиршу. Нет, сейчас взор не поплыл, хотя внутри вновь появилась слабость, но теперь я был начеку.

— Почему?

Ирменгрет по-прежнему не оборачивалась. От нее пахло дорогими духами. Приятно просто стоять рядом, когда можешь дотянуться до столь красивой женщины... Проклятый пепел! Опять!

Я отступил на шаг и вновь спросил:

— Почему?

— Если мы исчезнем, приспешники Низверженного лишь укрепятся в своих подозрениях. Сейчас за нами идет небольшой отряд, но через порталы легко перекинуть гораздо больше охотников за вашими головами.

Вампирша говорила с явной досадой в голосе: ей приходилось объяснять очевидное и отвлекаться от действительно важного. Ирма все так же пытливо разглядывала деревья. Что она нашла?

— Ты что-то видишь?

Она кивнула и наконец посмотрела на меня. Сблизилась со мной почти вплотную. Она столь недалеко, что нужно лишь на-

клониться, чтобы прикоснуться к ее губам. Во мне вскипела кровь. Разумом понимал, что Ирма играет магией, которая влечет в ее тенета новые жертвы, только зачем она делает это сейчас?

Кровь и песок!

Я сделал два шага назад и встряхнул головой. Наваждение ушло.

— Не делай так больше. — Я посмотрел в карие глаза вампирши.

Она моргнула несколько раз, взмахнув длинными ресницами, но чары прекрасной женщины и одновременно нежити не завладели мной. Я был собран и не поддался на обольстительную магию Ирмы.

— Как скажешь, — произнесла она, и в глубине ее глаз мелькнуло сожаление. — Мы должны что-то предпринять, иначе от погони не уйти.

— Что ты предлагаешь?

— Я уже предложила.

— И я снова говорю «нет».

Ирма, полуобернувшись, посмотрела на деревья, которые только что внимательно разглядывала.

— Что там?

— Место, которое поможет разобраться с погоней и не выдать Низверженному твое имя или магию церковника.

— Как? — во мне появилась подозрительность.

— Там развалины эльфийского замка. Лес не берет его себе, потому что место чересчур гибкое даже для Запустения.

— Прекрасное место, чтоб укрыться от погони, — едим тоном произнес Велдон.

Монах и Бран подошли к нам, услышав последнюю часть разговора. Вампирша смерила инквизитора высокомерным взглядом, ее пальцы сомкнулись на поясе в замок. Кровь и песок! Погоня все ближе, а мы обмениваемся любезностями.

— Продолжай, Ирма. Времени нет!

— Место называется Волчий дом. Это небольшой замок. Когда армии людей вторглись в эльфийские леса, громя и заливая кровью все на своем пути, добрались и до Волчьего дома. Его название на языке перворожденных — Наур Адаб.

— Припоминаю, — произнес инквизитор, задумчиво уставившись в пустоту. — Здесь размещался один из отрядов эльфийских разведчиков, вместе с семьями. Наур Адаб не смогли взять штурмом.

— Нет, туда вошли, — возразила вампирша, — лекантийцы быстро взломали укрепления, но никто из захватчиков не вышел.

— Покамест вспоминаем лекантийцев и эльфов из давно минувших веков, — мрачно заметил я, — приспешники Низверженного все ближе. Ирма! Ты говоришь, что сможем укрыться там от погони?

— Не укрыться, но...

— Так идем же! — рыкнул я.

Злило, что топчемся на месте. Вампирша и церковник тоже раздражают: то схватиться готовы друг с другом, то многозначительно переглядываются. С каждой минутой преследователи все ближе, а они надумали о прошлом поговорить.

— Глянь-ка, — предвестник ухмыльнулся, ему все нипочем, — они спелись!

Бран как хлыстом ударил. Инквизитор и вампирша дернулись и покосились каждый на другого. Да зашипели бы вместе на предвестника, но перепалка — это роскошь, которую не можем себе позволить.

— Веди, Ирма, — сказал я. — Далеко до Волчьего дома?

— Часа полтора, — сказала вампирша. — Идем?

— Да! — Я уже зарычал.

Мы двинулись за Ирменгрет: я следом, Велдон за мной, последним шел Бран. Гуськом меж веток деревьев ступать легче.

— Может статься, что это не лучшее решение, — послышалось из-за спины.

— Придумал что-нибудь лучше, монах? — бросила через плечо вампирша.

Проклятый пепел! Надо выяснить все раз и навсегда!

— Рассказывайте! — Я остановился; Томас Велдон чуть не влетел в меня. — Да живее!

Мы сбились в кучу под раскидистыми ветвями высокой ели.

— Говори, — инквизитор зыркнул на вампиршу, — я мало что ведаю про Волчий дом.

Прежде чем начать, Ирменгрет оглянулась.

— Слуги Низверженного ускорили шаг. Нам нужно торопиться. Я буду кратка. — Вздохнув, она продолжила, но отчего-то смотрела лишь на меня: — Волки, так эти эльфы себя называли, не захотели сдаваться на милость победителям и связали себя со своим замком. Собрались под главной башней и задушили сначала детей, потом жен. Потом накинута на шеи бечевки, которыми стягивали горло своих близких. Последним покончил с собой самый старший из разведчиков. Замок превратился в место, которое обходят стороной и ночные дети.

Я помрачнел. Ночные дети — это нечисть и нежить, и даже им не по себе от места, куда повела нас Ирма.

— Что случилось со штурмующими? — спросил Бран.

— Убиты. Все до единого, кто зашел за стены. — Взгляд вампириши устремился мимо меня, она смотрела в прошлое. — Я была там, рядом. Крики, что доносились из-за стен, были жуткими даже для меня. Мертвые волки с тех пор навсегда поселились в своем доме.

— Я читал об этом, — молвил Велдон, — и подтверждаю сказанное этой... женщиной. Пока армии четырех псов не покинули пределы Гвендара, ставшего Запустением, в Волчий дом несколько раз засылали смельчаков. Вернулась лишь одна экспедиция.

— Почему? — продолжал спрашивать Бран.

— В тот раз мертвые волки спали, — ответил Велдон и многозначительно посмотрел на вампиришу.

— Сейчас эльфы тоже спят, — сказала Ирма.

— Ты уверена, женщина? — Вопрос либо просьба, обращенные к вампирише, давались инквизитору непросто. Каждый раз он преступал через что-то внутри себя, все более отдаляя душу от Спасения и Прощения.

— Можешь называть меня отродьем дьявола, — Ирменгрет вдруг стало весело, — коль от этого легче будет.

— Довольно! — вспыхнул я. Надоел этот разговор, за которым так и не добрались до самого главного. — Мне до сих пор не ясно, что мы забыли в Волчьем доме.

Вампириша пожала плечами, показывая, что ответ-то прост:

— Никакая магия не в силах проникнуть внутрь замка мертвых волков.

— Вырваться наружу тоже, — добавил Томас Велдон, — не может.

Бран вдруг расхохотался и хлопнул церковника по плечу.

— Вы как муж и жена, — выдал предвестник, — одна сатана!

Церковник мгновенно вскинулся, обращая воспыхавший праведным гневом взор на предвестника, да тут же поник. Я мысленно выругался: зная инквизитора, нетрудно догадаться, что он хотел высказать Брану. Не богохульствуй! Но не заявлять же подобное всаднику апокалипсиса...

А вампириша скривилась, словно вкусила что-нибудь донельзя противное. Наверное, для нечисти это могла быть церковная гостия, маленький освященный хлеб. Стало смешно. Глядя на кислые физиономии монаха и вампириши, я почувствовал, что уходит охватившая меня злость.

Вот только мы снова погрязли в долгом разговоре, а время тает.

— Так зачем же мы идем в Волчий дом? — Кажется, я начал понимать, что задумала Ирма, но хотел услышать ответ из ее уст. Дабы полностью выяснить, что ждет в старом замке эльфов.

— Мы сильны, — произнесла вампирша. — Бран, ты, я и церковник. Уничтожим погоню, но тогда в Черном городе поймут, что дело нечисто, что, скорей всего, именно ты и был здесь.

— Но если впустим преследователей в замок эльфов и прикончим их там, то никто не прознает, как погиб отряд.

— Верно, — сказала Ирма, — они спишут потерю на мертвых эльфов.

— Хороший замысел, — хмыкнул Бран, — но если наши враги тоже знают, что эльфы спят?

— Никто не знает. Даже я не знала, пока не оказалась рядом, — ответила вампирша и добавила с уверенностью: — Они спят.

— Надолго ли? — Церковник поежился от холода и оглянулся; где-то там за деревьями расположено место, которое черней самого Запустения.

— Они спят, — повторила Ирма.

Мы продолжили путь, оставляя следы на белом снегу, будь он неладен. Пока тратили время на разговоры, Велдон отдохнул, но скоро вновь начал сдавать. Ход нашего небольшого отряда ощутимо замедлился. Проклятый пепел! Черная магия Неакра, что открыта для святого отца, могла бы придать сил инквизитору, только нельзя являть приспешникам Низверженного ни меня, ни его. Слуги Возвратившегося бога легко учуют колдовство и поймут, кто его источник.

Другое дело — место, откуда магии не вырваться. Черные заклятия Неакра пригодятся в Волчьем доме. Надеюсь, Велдон не ограничится одними молитвами.

Идем на юг, все дальше отклоняясь от Тарты, воды которой бегут восточнее. Но сначала Волчий дом, и уж после него повернем к реке и обещанному Ирменгрет кораблю. Сперва засада и бой. Я ощутил волнение, внутри живота забегали мурашки. Кровь и песок! Как же рад этому чувству — оно человеческое, и, значит, я все еще человек. Надеюсь, что еще человек.

Смеркается. Мы все идем и идем. Велдон несколько раз споткнулся, силы его уже на исходе.

— Почти дошли. — Вампирша увидела мое беспокойство, когда смотрел на инквизитора.

— Старик, — сказал Бран, — если не можешь идти, я тебя понесу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. Свой или чужой?</i>	5
<i>Глава 2. Проклятые души</i>	13
<i>Глава 3. Времени мало</i>	21
<i>Глава 4. Жуткое место</i>	29
<i>Глава 5. Волчий дом</i>	36
<i>Глава 6. Замок спит</i>	44
<i>Глава 7. Приспешники Низверженного</i>	52
<i>Глава 8. Своих не бросаем</i>	60
<i>Глава 9. Наверх!</i>	67
<i>Глава 10. Исцеление</i>	75
<i>Глава 11. У костра</i>	83
<i>Глава 12. Звериный вой</i>	91
<i>Глава 13. Лесными тропами</i>	99
<i>Глава 14. Тишина и покой</i>	107
<i>Глава 15. Корабль</i>	116
<i>Глава 16. Разговор</i>	123
<i>Глава 17. Признание</i>	131
<i>Глава 18. Горячая</i>	140
<i>Глава 19. «Благословенная на волнах»</i>	148
<i>Глава 20. Черный орел</i>	156
<i>Глава 21. Легче легкого</i>	164
<i>Глава 22. Правильный ответ</i>	172
<i>Глава 23. Допрос</i>	180
<i>Глава 24. Всего лишь</i>	188
<i>Глава 25. Предложение</i>	197
<i>Глава 26. С тобой навсегда</i>	205
<i>Глава 27. Мертвец</i>	213
<i>Глава 28. В море</i>	220
<i>Глава 29. Очистительный огонь</i>	227

<i>Глава 30. На берегу</i>	235
<i>Глава 31. Купить правосудие</i>	243
<i>Глава 32. Герцог ди Альмара</i>	250
<i>Глава 33. Схватка</i>	258
<i>Глава 34. Дорога</i>	266
<i>Глава 35. Подарок</i>	274
<i>Глава 36. Бессилие</i>	283
<i>Глава 37. Наверх</i>	291
<i>Глава 38. Поединок</i>	299
<i>Эпilog</i>	311